

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

Дворянский и крестьянский вопрос в Екатерининской комиссии

<...> Депутаты созывались не для участия в законодательстве, а для исполнения сложных подготовительных работ, венцом которых, если бы их и удалось довести до конца, был бы «проект» нового Уложения. По словам манифеста 14 декабря 1766 г., они созывались «не только для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места, *но и допущены быть имеют* в комиссию, которой дадим наказ для заготовления проекта нового Уложения». По мысли императрицы, в основу работы должны были лечь руководящие идеи ее Наказа, а допущение представителей общества к сотрудничеству при воплощении этих идей имело целью избежать чрезмерной оторванности законодательного творчества от действительных жизненных условий: «ибо законы, весьма наиболее сходственные с естеством, суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены». Во втором заседании комиссии приступили к чтению Наказа. Известно, что приспособление идей императрицы к «расположению народа» началось еще до этого момента, так как составительница Наказа нашла нужным пропустить его через предварительную цензуру нескольких приближенных и некоторых депутатов; по свидетельству Екатерины, Наказ утратил при этом значительную часть своего содержания, тех «аксиом», о которых Н. П. Панин отозвался, что они способны даже стены разрушить¹. Выпало почти все, что было в первоначальной редакции сказано относительно положения крепостных крестьян: о «великом злоупотреблении» смешения крестьянской зависимости с холопской, о необходимости ограничить произвол помещичьей власти и признать за крестьянами имущественные права и «привести их в такое состояние, чтоб они могли купить

сами себе свободу» с определением по закону размера выкупа и т. п. По крестьянскому вопросу остались лишь немногие осторожные замечания. В том виде, в каком он вышел в свет, Наказ не давал комиссии повода ставить этот вопрос по существу и сколько-нибудь широко. Если он был поднят в прениях общего собрания, то лишь попутно, в связи с помещичьими жалобами на побеги крестьян; возник, вызвал несколько оживленных споров и погас в силу «расположения» того «народа», который был занят своими нуждами в «комиссии».

Однако основная законодательная задача — составление нового, полного и стройного Уложения — должна была привести к сознательной формулировке в статьях закона, а стало быть, и к обдуманному пересмотру основ русского социального строя. Отчасти это и произошло в трудах тех специальных комиссий, которым поручена была разработка различных отделов законодательного материала. По общей организации занятий от этих «частных комиссий» и надо было ожидать наиболее плодотворных результатов. К тому же именно в них сильно сказывалось руководящее влияние правительства, бдительно следившего и за их составом, и за их деятельностью. Попытка поднять вопрос об определении и изменении отношений между поместным дворянством и крестьянством могла быть сделана в ходе самой работы. Организация этой работы получила такой вид: руководящая роль возложена на особую «дирекционную» комиссию, во главе которой стояли влиятельные орудия монаршей воли — маршал большой комиссии А. И. Бибиков и генерал-прокурор кн. Вяземский². Эта комиссия организовала частные комиссии для разработки отдельных отраслей законодательства (по вопросам вотчинным, судебным, сословным и т. д.) из членов полного собрания по баллотировке, следила за ходом их работ, получая от них еженедельно мемории — отчеты, указывала им все замеченные отклонения от указанных правил ведения дела, рассматривала законченные ими проекты с точки зрения согласия с Наказом императрицы и государственной целесообразности. Рядом с ней стояла редакционная комиссия (она получила название «экспедиционной»), выправлявшая труды других, чтобы в изложении проектов не осталось ничего неясного, двусмысленного и противоречивого. Частные комиссии состояли из пяти членов, избранных полным собранием, но к работам они могли привлекать и других лиц с совещательным голосом: правительство часто пользовалось этим, чтобы ввести в состав комиссий желательных лиц, так как тем членам указывалось, иногда от имени самой императрицы, кого они должны при-

звать к сотрудничеству. Полному собранию надлежало обсуждать выработанные проекты и после сложного обмена мнениями с комиссиями частными и дирекционной рассматривать их в окончательном виде и определять свое отношение к ним голосованием. Но, кроме того, императрица указала собранию другое дело: чтение и обсуждение тех законов, «в поправлении коих более настает нужда по правилам большого Наказа и о которых более в прошениях и наказах представляется», а также выписок из депутатских наказов, заготовленных особой «комиссией разбора депутатских наказов», разбиравшей указы и проекты «по материям». Мнения полного собрания по действующим законам и требованиям депутатских наказов сообщались через дирекционную комиссию в соответствующую частную как материал для ее работ, но не были обязательны для частных комиссий. При такой постановке дела роль полного собрания оказалась бы более значительной только при завершении работ в окончательной редакции, при решительном голосовании, но до этого дело ни по одному вопросу не дошло. Благодаря своеобразному направлению занятий полного собрания маршалом не получилось никаких мнений большой комиссии, принятых большинством голосов. Дело свелось к рассуждениям депутатов по разным вопросам, рассуждениям, не сведенным ни к какому общему выводу.

Занятия полного собрания начались с чтения депутатских наказов, притом не в систематических выписках «по материям», а целиком, в случайном порядке; в 15 заседаниях прочли 12 крестьянских наказов, затем перешли к чтению законов о дворянских правах и посвятили этому 10 заседаний; не закончив этого дела, обратились на 36 заседаний к чтению законов о купечестве, а 11 заседаний потратили на чтение лифляндских и эстляндских привилегий, потом читали законы о юстиции, а когда их дочитали, то поступил от дирекционной комиссии «проект правам благородных», обсуждение которого заняло 20 заседаний; сдав его со всеми замечаниями депутатов в частную комиссию, полное собрание обратилось к законам о поместьях и вотчинах и занималось ими до 18 декабря 1768 г., когда его заседания были отсрочены на неопределенное время, чтобы никогда более не возобновляться. Все это ознакомление полного собрания с разного рода материалами сопровождалось более или менее оживленными прениями. Собрание не относилось пассивно к возникавшим вопросам: более двухсот депутатов (из общего числа 565) выступали с речами, мнениями и предложениями. Но все высказанное осталось разрозненным, как бы слу-

чайным. Маршал-председатель не доводил ни одного вопроса до обобщающей формулировки, прения обрывались случайно, и рассмотренные законодательные материалы сдавались в частные комиссии со всеми замечаниями отдельных депутатов или согласных групп, но без какого-либо мнения большой комиссии, так как на ее голосование и не ставилось никаких резолюций.

Подобная обстановка занятий полного собрания сильно понизила не только их деловое значение, но и значение происшедших в нем прений для историка русской общественности: перед ним ряд очень интересных и показательных мнений, но это мнения отдельных лиц и небольших групп, не прошедших огненной пробы общего голосования, стало быть, без учета степени сочувствия им в депутатской массе и силы их влияния на нее.

Общий характер прений выступает в «дневных записках» полного собрания весьма определенно. Основная их черта — борьба сословных притязаний и стремление двух первенствующих сословных групп — дворянства и купечества — отграничиться друг от друга с возможно большей выгодой каждого за счет другого. Третья, меньшая группа, — представители разных групп государственных крестьян имела мало поводов для столкновения с дворянами, но отстаивала свои интересы там, где они перекрещивались с купеческими, посвящая главное внимание внутренним нуждам своей бытовой среды.

Немного нового, сравнительно с содержанием депутатских наказов, вносят прения в освещение дворянского вопроса. В них только резче проявились назревшие антагонизмы как внутри дворянской среды, так и между дворянством и другими разрядами населения. В речах ораторов высшего дворянского слоя с большой определенностью звучит стремление укрепить и оформить значение столбового, родового дворянства как землевладельческой аристократии, тяготящейся той печатью служилого сословия, которая лежит на всем благородном шляхетстве. Только что освобожденное от обязательной службы, родовитое дворянство стремится довести до конца разрыв между своей сословностью и службой, добиваясь отмены правил петровской «табели о рангах». Оно решительно и настойчиво противопоставляет себя выслужившемуся офицерству и чиновничеству. И в аргументации этого противоположения дворянские ораторы рядом с теоретическими доводами вскрывают весьма реальные интересы как мотив своих притязаний. Они требуют отмены «права, сравнивающего это сословие со всяким, кто бы каким бы то ни было образом ни достиг офицерского чина». Иначе, говорят одни, принижается уровень дворянских традиций, ко-

торым чужды выслужившиеся искательством перед начальством и получившие дворянство «без рассмотрения их поступков и мыслей». Другие оберегают от выходцев «из подьяческих, посадских и прочих подобного рода людей» не столько «благородство» дворянское, сколько землевладельческую монополию: новые люди — опасные конкуренты в области экономических выгод, так как «покупают большие деревни, размножают фабрики и заводы, а через это делают подрыв природному дворянству в покупке деревень: когда дворянин, занимающийся хлебопашеством и трудом своим приобрета деньги, пожелает купить по соседству деревни по цене умеренной, то некоторые не из дворян, имея большие суммы, возвышают на них цену втрое и более». Рост цен на землю, несомненно, обострял дворянское сословное чувство, и ораторы первенствующего сословия настаивали на устранении конкурентов, не только тех, «которые не из дворян достигнут службой штаб- и обер-офицерских чинов», но и владельцев фабрик или заводов, приобретающих имения к своим предприятиям. Но ценны были в то время не столько земли сами по себе, сколько земли населенные, и дворянство отстаивает свою привилегию на крещеную собственность не менее горячо, чем исключительность своих землевладельческих прав. Спрос на рабочие руки начинает заметно отвлекать крестьян из крепостной деревни в города и на труд промышленный. И дворянство поместное стоит в недоумении перед явными, хотя еще бледными признаками нового уклада народнохозяйственной жизни. Они готовы требовать, чтобы не допускалась продажа помещиками крепостных на фабрики: этим отнимаются рабочие руки от земли, а «должно всемерно стараться о размножении земле дельцов». Из всех ограничений крепостного права на крестьян наиболее приемлемым в дворянской среде оказывается запрещение продавать людей поодиночке без земли. Дворянский оратор готов устыдиться одной мысли, «чтобы равный нам по природе сравнен был со скотами и поодиночке был продаваем». В теории он даже признает, что вольнонаемный труд производительнее и экономически выгоднее. Но он будет всеми силами отстаивать требование, чтобы право владеть крепостными оставалось привилегией родового дворянства, не распространяясь на другие сословия. И все-таки землевладельцам конца XVIII в. трудно устоять на защите сельского хозяйства в борьбе за рабочие руки с промышленностью и торговлей: имения недостаточно доходны при верности чисто земледельческому хозяйству. Отстраняя других от своих прав на крепостной труд, дворяне сами готовы направить его на новые пути. Самая «сущность»

фабрик и заводов, по мнению того же дворянского депутата, часто свидетельствует о том, что естественно заводить их дворянам; напр<имер>, «принадлежность минеральных заводов, для которых руды роятся в земле и переделываются через огонь, не должна ли составлять одно из дворянских прав, ибо владение землей должно принадлежать одним дворянам». Положение дворянства, как оно обрисовывается в прениях комиссии, — боевое. Оно стремится укрепить свою позицию, придать ей больше устойчивости. Ряд явлений русской жизни своим развитием грозит пошатнуть обособленность и привилегированность «первого сословия в государстве». Необходимо подчеркнуть эту обособленность, обеспечить привилегии, подвести четкий итог всему, что завоевано предыдущим развитием, потому что в двери старины еще нерешительно, но весьма ощутительно стучится новая жизнь. Дворянство то пробует отстоять старый уклад отношений, то тянется к новым источникам силы и богатства. Эта борьба с усложнившимися условиями жизни вызывает в родовом дворянстве стремление урезать права других общественных групп в свою пользу, оттолкнуть их от соперничества с собой в приобретении житейских преимуществ. Оно чувствует потребность сплотиться и замкнуться, чтобы сохранить и прочно обеспечить за собой господствующее положение.

Сословный эгоизм родового дворянства не остался без отпора в прениях комиссии. Его ораторам сторонники выслуги указывали, что «достоинство дворянское не рождается от природы, но приобретает добродетелью и заслугами», что в составе русского дворянства большинство «за воинские дела... получило это достоинство». Оно выросло из служилого класса, и ему ли «пренебрегать служащими как по гражданской, так и по военной части?» Аристократическую тенденцию эти критики сводили к корыстному желанию родовитых людей, «чтобы им одним и им подобным пользоваться дворянством, а прочим, какого бы они достоинства, честности и верности своему монарху и отечеству ни были и каких бы заслуг не оказали, лишиться этого преимущества навсегда». В противовес сословно-аристократическим притязаниям защитники нового дворянства выставляли воззрение, что только служба государству есть основа и оправдание дворянских привилегий. Прозвучало в прениях даже осуждение их наследственности, пожелание, чтобы сословное преимущество «не доставалось по наследству, но чтобы всякий старался достигать его по заслугам», чтобы потомство, которое «само не возобновит своего дворянства», теряло право на привилегии. Так защищалось офицерство и чиновничество, служ-

бой пробившее себе дорогу к дворянским привилегиям, против притязаний родовитых людей, стремившихся обосновать свое положение на иных, не служилых основаниях. Нарождался антагонизм между сословностью и бюрократизмом, пока лишь в своеобразной форме борьбы двух слоев внутри дворянского сословия. И Наказ Екатерины с его воззрением на дворянство как на служилую силу как бы предвещал попытку монархической власти эмансипироваться от служения сословным интересам дворянства, твердо опереться на бюрократическую организацию управления, и на самый сословный строй дворянства смотрит как на административное орудие правительства.

Не одни выходцы из других сословий в ряду дворянства протестовали против исключительных притязаний родовитых групп. Все разряды свободного населения, представленные в комиссии, нападали на дворянскую монополию по части господства над рабочими руками и требовали себе права владеть крепостными, заставляя дворянских ораторов договариваться до защиты вольнонаемного труда и свободной конкуренции. Зато решительный отпор встречали дворянские попытки приспособиться к новым условиям экономической жизни и выйти за пределы земледельческого помещичьего хозяйства на путь промышленного и торгового предпринимательства. Один из купеческих депутатов дал такую меткую характеристику крепостной фабрики: «Когда купец, — говорил он, — строит фабрику, то все окрестные крестьяне от нее удовольствуются, продают лес, лубья, тес и т. п., нанимаются к постройкам, получая за то большую плату, и тут же продают произведения своей земли, нанимаются для привоза на нее материалов и развозят ее произведения на продажу; помещики, строя фабрику, начинают с того, что назначают с каждого двора привезти потребное количество леса, лубья, дору и тесу, и всякий крестьянин, оставя хлебопашество, должен с плачем ехать и поставить то, что с него назначено; после того их принуждают строить фабрику безденежно, заставляют работать на ней тоже безденежно»; а дело идет плохо, потому что владелец «вести фабрику секрета не знает». А между тем дворянству «надлежит иметь старание о приведении в лучшее состояние земледелия их крестьян». Тут роли менялись. Дворян их оппоненты побивали теми же доводами, какие они сами выставляли против разрешения купцам покупать крепостных к фабрикам и заводам: это не разоряет земледелие и создает для крестьян худший, самый тяжелый вид неволи, изнуряющей их силы. Так во взаимных обличениях представителей противоположных интересов выступала тем-

ная правда жизни, горькая судьбина порабощенного крестьянства.

Вопрос о положении крепостных помещичьих крестьян возник в комиссии по поводу обсуждения мер для прекращения их побегов, когда один из городских депутатов предложил рассмотреть, в чем состоят причины непомерного их развития, не бывает ли им «вымогательства излишних и больших податей, взыскания всегдашних беспременно работ, чинения почасту напрасных побоев, необыкновенной строгости и других жестокостей». Вопрос не загдох, так как нашел поддержку среди депутатов недворян..., но особенно потому, что среди дворянских депутатов... к великому негодованию собратий сделали попытку стать на сторону правого дела. Маршал Бибииков сильно преувеличил смысл этих прений, утверждая в своих записках, будто «некоторые из депутатов, увлеченные вольнодумием, предлагали уничтожение рабства». О полном уничтожении крепостного права не говорил никто. Речь шла только об ограничении помещичьей власти и определении законом отношений между крестьянами и владельцами.

<...> Дворянство, напротив, высказалось почти единогласно даже против предположения дозволить помещикам переводить свои крепостные деревни на право деревень свободных (допустимым считалось лишь освобождение отдельных крестьян), а большинство признавало немислимым снять с крепостной массы помещичью опеку, ожидая от такой меры общего расстройтва всего общественного порядка и разорения самого крестьянства. Настроение, господствовавшее в дворянской среде, не дало обсуждению крестьянского вопроса развиться сколько-нибудь широко. И сама императрица в 1768 г., намечая в «Начертании о приведении к окончанию комиссии проекта нового уложения» задачу будущих законов о крестьянах, говорит о нем совсем робко: она готова признать, что существуют причины, не дозволяющие сделать всех землевладельцев свободными, и только спрашивает: «Нет ли способа найти основание, могущее произвести нечувствительное некоторое полезное в состоянии нижнего рода исправление и пресечь всякие злоупотребления, удручающие сих полезных членов общества?» Но такого «основания» не нашлось. Законодательство Екатерины, руководясь «светом и сведениями», какие дала ей комиссия 1767 г., пошло по пути не ограничения, а углубления и расширения крепостного права.

